

Наталья Перстнёва

ДУДОЧКА ВЕТРА

* * *

Из города уходят улочки,
За хлебом выйдешь и спохватишься –
Ни газировки нет, ни булочной
И магистраль куда-то катится.

И дом растёт длиннее тополя,
И так вокруг пантагрюэлево...
А этот, с булочной, прохлопали.
Зачем мне дом длиннее дерева?

И всё бы ладно, всё бы здорово,
Не жизнь ушла – чужая улица.
Но вот идёшь, ничей, по городу,
А за углом родная чудится.

* * *

Дождю, подснежнику, волнам,
Полёту бражника молиться,
Смотреть, как падает луна
На верески и остролисты.

Как падают лицом в траву,
Руками землю обнимая.
Такое счастьем назовут.
Такое смертью называют.

Их будут звать ОНА и ОН
В церковных книгах всех столетий,

В трагедии любых времён
И человеческих комедий,

Где безымянные слова
Ещё плывут по океану
И ловят ветер рукава
И прячут бабочек в карманы.

ОНА однажды упадёт,
ОНА склоняется всё ниже.
Ясней глаза, бледнее рот,
И каменный, и неподвижный.

Блестят холодные виски,
Но это всё уже не важно,
Что разобьётся на куски,
Лишь губы разомкнёт однажды.

ГИПЕРБОРЕЯ

Стоит высокая луна,
Уже тепло, ещё не пыльно.
На бабочках дневные крылья
Из набивного полотна.

Знакомый до утка узор,
До птиц, охваченных закатом,
До крика в небе: «Por favor!
Не возвращай меня обратно...»

Им никогда не повезёт
Найти свою Гиперборею.
Чужая родина не ждёт,
Звезда небесная не греет.

Они глядят из-под крыла
На атлантические волны,
И та, которая была,
Со дна вздыхает грудью полной.

ТРАМОНТАНА

Потом от хохота гагар
Родятся лодочка и рыбка,
И жизнь, метнувшись на пожар,
Предпримет новую попытку.

Я люблю её другой,
Беспамятной и безымянной,
Кораблик подхватчу рукой,
Двоих найду из океана.

Двух рыбок положу в ладонь –
Серебряную, золотую,
Её лицо, его огонь –
И ветром северным подую.

И назову луну луной,
А солнце именем испанским,
Где разлучённые землёй
Над Кадисом кружатся в танце.

* * *

Луна. Рахманинов. Зима.
Тоска о родине и чуде.
Сойти бы, господи, с ума,
Как все порядочные люди.

Вести с Арагвой диалог,
Ходить с корнетом на дорогу
И верить родине и богу,
Поскольку нет других дорог.

Смотреть с величием Казбека
На мёртвый разум человека.
Туда, где Он по доброй воле
За каждого душевноболен.

ОТРАЖЕНИЕ

Когда-нибудь не станет и луны,
И в звёздной темноте проснутся люди
И затоскуют от ничьей вины,
А впрочем, и людей уже не будет.

Но отраженье в комнатном стекле
Меня запомнит рядом с жёлтым блюдцем
И двух ворон в белёсом феврале,
Которые уже не разобьются.

И этот полуснег-полумираж,
И птицы крик останутся навеки.
Мне только жаль, что ты уже не наш,
Прошедший день, сейчас закрывший веки.

ПО УЛИЦЕ ГРИНА

Зал ожидания. Полная зала.
Трап упирается в берег песочный.
Дудочка ветра о чём-то играла.
Не скажешь. Не вспомнишь. Веди куда хочешь.

Штаны и рубашка бросаются в кресло,
Не больно скрипят деревянные кости
У мебели в доме, какой полновесно
На дух и на душу гостей не выносит.

Английский пиджак пропускает застолье,
Винтажные плечи поют к непогоде,
И так своевременно и добровольно
Капризные платья за двери выходят.

Взлетает над липами борт восемнадцать
По улице Грина кирпичною лодкой
С бессонной судьбою летучих голландцев,
С душой, продырявленной молью с чахоткой.

ПОБЕГ ФРИДРИХА ИЕРОНИМА И МАРТЫ

Они бежали, вечные скитальцы.
Он призрака из рук не выпускал,
Когда, целуя собственные пальцы,
Её в пустой карете обнимал.

Неслись по следу звери и деревья,
Пришпоривали всадники коней.
«С цепей спустили люди суеверья –
Не верю в суеверья и людей!»

Они сожгли змеиную таверну,
Передавили выводок цыплят.
«Я сею смерть, спаси меня!» – «Мой верный,
Ты никогда ни в чём не виноват».

«Ты от меня одна не отвернёшься
И не покинешь больше никогда».
«Да, – отвечала призрак, – мой хороший».
И целовали губы это «да».

И чёрные охранники отстали,
И опустили ветки дерева.
Лежала смерть во всех краях печали,
И задыхалась жёлтая трава.

Ни капли небо вниз не уронило,
Не опустилось облако с водой.
«Мы добрались. Все умерли, мой милый.
Мы наконец приехали домой».

г. Одесса